

Идеи «здоровья» и «духовного воспитания» в философии И.А. Ильина

А.В. Белов, проф., д-р филос. наук,
Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

В начале XXI в. в постсоветское образовательное пространство проник постмодернизм постулатами о полифонии интерпретации, каждая из которых может быть в равной степени и верной, и ошибочной (Ж. Деррида); с утверждением относительности всякого исторического и морального опыта, критикой самого понятия «нормы» (М. Фуко); с отрицанием возможности построения или принятия какой-либо системы ценностей как приоритетной (Ж.-Ф. Лиотар); проник, рассредоточился там и готов прорасти сорняком. Ценностная дезориентация, ифеляхивизм, эпистемедеричеекая неуверенность и онтологический нигилизм, сведение «обучения» к предоставлению «информационных услуг по ряду дисциплин» этого сорняка подмывают самые основы системы образования в славянской культуре. Сегодня у нас разрабатывается множество дидактических методик и воспитательных «техник», но при этом в ценностной дезориентации и воспитательской немощи, вскормленной западными духовно-нравственными ценностями, теряется живое, органическое единство теоретического компонента обучения с практикой воспитания молодого поколения. Но почему отечественное образование обязательно должно ориентироваться только на западные парадигмы — *постмодернистскую* с размытой системой ценностей и *позитивистскую* с «суммой» политехнических знаний»? Вразумительного ответа на этот вопрос не существует...

Вышесказанное задает ракурс решению другой проблемы, нуждающейся в философском обосновании, - проблемы взаимосвязи обеспечения здоровья подрастающего поколения и духовного воспитания.

Чаще всего, говоря о здоровье учащихся, речь заходит о необходимости физической подготовки и заботе о телесном здоровье. В последние годы к этому добавились консультации психолога, помогающего учащимся в решении тех или иных затруднений психологического характера. Но «культуру здоровья» нельзя свести только к коррекции физкультурного элемента. Это проблема, бесспорно, философского характера, т.к. придает теме здоровья экзистенциальный статус. Как не может состояться полноценного воспитания в опустевшем пространстве ценностного и духовно-нравственного нигилизма, так и не может возникнуть положительная среда для формирования «экологии личности», когда модель нашего воспитанника мыслится в качестве будущего «потребителя» (продуктов питания, информации, развлечений, удовольствий и т.д.). Общекультурная тенденция к нивелированию человеческого бытия, «потребительскому комфорту», отказ от понимания смысла своей жизни убивает жажду творческого самораскрытия, с одной стороны, а с другой, - возникает невозможность культивирования, проращивания личности и уникальной ценности ее бытия. Эта педагогическая немощ порождает и неизбежные сбои в решении «здоровьесберегающих», демографических, социально-психологических задач современного образования. Образовательная система, стоящая на зыбкой, песочной почве прозападной ориентации на либеральные ценности, на вседозволенность и раскрепощение, на плюрализм идей и поливариантность мировоззренческих установок педагогического процесса, неизбежно влечет за собой утверждение единственно

возможного, хотя и тяжелого бремени «жизни наугад». Наличие философской рефлексии понуждает нас искать пути, по которым возможен выход из общекультурного кризиса, когда при отсутствии экзистенциального иммунитета неуклонно растет число жертв повышенной стрессовости жизни, наркомании и даже суицидов.

Я убежден, что «ценностный вакуум» должен быть содержательно заполнен смысложизненными ценностями славянской культурной традиции (никогда не умиравшими, а сейчас, наоборот, воспрянувшими в нашем обществе), которые ориентированы на интегративно-личностный подход, формирующий целостную личность и максимально раскрывающий творческий потенциал обучающихся. Но для этого необходимо переосмыслить саму структуру образовательного процесса, иначе расставить акценты, наметить иные ориентиры и поставить другие цели.

Обращение к традициям русской философии помогает нам осмыслить связь духовного воспитания со здоровым образом жизни. Русские философы (и особенно И.А. Ильин, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов, В.В. Розанов) понимали, что русские люди, соблазнившись идеей западного «прогрессоцентризма», неизбежно культивировали в себе иллюзорный тип сознания и траекторию духовно-ценностной деградации.

Выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин (1883-1954) глубоко проник в сущность проблемы *духовности*, вскрыл специфику русского духа, духовного воспитания. В его работе «Путь духовного обновления» *духовность* предстает как самое значимое в душе личности, ее главное содержание, любовь и служение, сила личного самоуправления и сила «поющего сердца», жилище совести и местонахождение художественного искусства, источник правосознания, истинный патриотизм и основа здоровой государственности и великой культуры. Главное в человеке, - был убежден И.А. Ильин, - это «*духовный опыт*». «Воспитать человека значит, прежде всего, пробудить в нем... доступ к этому духовному опыту. Только в этом опыте человек может постигнуть, что такое *любовь*, какова ее глубина и сила и в чем ее священное значение. Только здесь он может научиться отличать добро от зла, услышать в самом себе голос совести, постигнуть, что такое честь, благородство и служение. Только в этой области он может увидеть, что такое художественность и прекрасное искусство, воспитать свой вкус и развить свое восприятие красоты. Только духовный опыт может открыть ему, что такое истинное знание, очевидность и доказательство и в чем состоит научная культура и достоинство ученого» [1, с. 68]. По его глубокому убеждению, *русский дух - это дух «овнутренения», любви, созерцания, живого и органического содержания, искренней и насыщенной формы, дух совершенствования.*

Итак, *во-первых*, русский дух - это дух «овнутренения». Иначе говоря, у русских (славян) все внешнее и материальное *само по себе* не имеет безусловной ценности. Так, *нравственное* состояние славянина ценится не по материальным последствиям и не по внешней пользе, но по внутреннему состоянию души и сердца человека, его переживающего. Вот почему «*культура творится изнутри; она есть создание души и духа*». И когда И.А. Ильин говорил об *укреплении* здоровья, он имел в виду, прежде всего, духовное здоровье нации.

Во-вторых, русский дух есть дух *любви*. Великий русский мыслитель был убежден, что главное в жизни русско-славянской души, предрасположенной к *сочувствию* и *доброте*, есть *любовь*. Без любви славянин есть неудавшееся существо. Цивилизирующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз

внешней законопослушности) сами по себе ему мало свойственны. Без любви он или лениво прозябает, или склоняется к вседозволенности. «Первым и глубочайшим источником духовного опыта является духовная любовь. Ее надо признать основным и необходимым «органом» духовного опыта... Там, где начинается любовь, там кончается безразличие, вялость, экстенсивность: человек собирается и *сосредотачивается*, его внимание и интерес концентрируются на одном содержании, именно на любимом; здесь он становится *интенсивным*, душа его начинает как бы накаляться и гореть. Любимое содержание, - полагал И.А. Ильин, - становится живым центром души, важнейшим в жизни, главнейшим предметом ее» [1, с. 71]. Для И.А. Ильина *Любовь есть радость*, не покидающая «человека даже и в страдании, но светит ему сквозь все неудачи, лишения и огорчения», *Любовь есть доброта*, ибо «дает человеку счастье и вызывает у счастливого потребность - осчастливить все и всех вокруг себя и наслаждаться этим». Истинная Любовь «*вживается* в любимый предмет вплоть до художественного отождествления с ним», при этом пронизательность его по отношению к любимому предмету «доходит до настоящего *интуитивного ясновидения*» [1, с. 72].

Любовь - сила притяжения, приносящая Единение в мир (разделенных существ) людей и в целом в Мир (как Вселенная) и характеризуется «способностью к действию», а именно: 1) любовь объединяет (в ее основе лежит желание: присоединить любимое и создать целое); 2) любовь защищает, сохраняет, оберегает; 3) любовь сопереживает, сочувствует, сорадуется (порой негодует, не принимая разрушений); 4) любовь понимает, проникает в сущность другого, не разрушая, а значит, сохраняет свободу другого; 5) любовь действует, т.е. помогает, трудится, созидает; 6) любовь творит и, стремясь к соединению, вступает в со-творчество; 7) любовь отдает и в даянии восходит к высшему удовольствию - к радости, пробуждению со-радости в другом; 8) любовь открывает мир в новых красках, в новых знаниях, создает «созвучие» - гармонию. Истинная любовь мудра, она есть мера всего, выражение ее мудрости в реальности [См. подробнее: 2, с. 12-24].

Любовь суть первая и величайшая способность - принимать, утверждать и творить. При этом любовь противопоставляется и отвлеченному рассудку, и черствой воле, и холодному воображению, и земной похоти. Они, подчиняясь силе любви, насыщаясь ею, обновляются и перерождаются. Мысль, движимая любовью, становится силою *разума*, прилепляется к познаваемому предмету и дает *настоящее знание*. Воля, рожденная из любви, становится *совестною*, благородную волею - источником настоящих, героических поступков. *Воображение* теряет свой холод, загорается духовным огнем и начинает воистину «видеть» и творить. А земная похоть, в просторечии именуемая «любовью», не заслуживает этого имени; но, проникнутая любовью, она перестает быть элементарною, страстною одержимостью и начинает осуществлять законы духа. Тогда *брак* начинает оправдываться в глазах человека любовью.

В-третьих, русский дух есть дух *созерцания*, который учит нас «смотреть» в чувственно «невидимое». Такой свет можно увидеть лишь внутренним, нетелесным зрением, а не логическим, отвлеченным умствованием. Осчастливленный любовью человек созерцает предметы внешнего и внутреннего мира «совсем иначе, чем человек с сухим и каменеющим сердцем, холодный и чопорный эгоист. Любящему человеку весь мир говорит иное,... подобно тому, как в сказке избушка на курьих ножках повертывается к Ивану Царевичу передом, а к лесу задом. Ибо любовь есть сила

всесогревающая, всеотмыкающая и всевидящая; она сама и цветет, и поет, и сияет» [1, с. 73].

Вот почему любящая душа воспитателя суть *священное орудие* для детей, ибо способна воспринимать и созерцать то, что, по слову поэта П.А. Вяземского, «для ума покрыто тьмою, но сердцу видимо в дали».

В *духовной очевидности*, испытываемой оком сердца, — считал И.А. Ильин, — добываются высшие, благодатные синтезы в науке; именно она творит всякое истинно художественное искусство; ею осуществляется акт нравственной совести; из нее вырастает естественно-правовая интуиция; ею руководились все великие, гениальные реформаторы государства и хозяйства.

В-четвертых, русский дух есть дух *живого и творческого содержания*, где «форма» перестает быть «формой», а становится живым способом содержательной жизни, добродетелью, художеством, знанием, — всею полнотою и богатством культурного бытия. Как правило, славянин с недоверием относится ко всякому делу, где обнаруживается «формализм», «механичность», «буква», ибо формализм искажает всё, во что он внедряется. От него мертвеют наука и искусство. От него вырождаются управление, суд и юриспруденция. Не благодатна и не жизненна формальная мораль. Для воспитания, преподавания и службы формализм убийственен. И пустая форма семьи, не наполненная любовью и духом, не осуществляет своего назначения. Тогда «форма» оказывается пустой видимостью, отвлеченной схемой, мертвящей черствостью, фарисейским лицемерием.

В-пятых, русский дух есть дух *совершенствования*. Человек, совершенствуясь, способен судить себя, обличать, каяться, очищаться. Вот откуда в славянской культуре этот дух ответственности, самообвинения, покаяния, дух прилежания, добросовестности, труда, самообуздания, дисциплины, подвига. Что есть безответственный, недобросовестный, безразличный к истине ученый? Что есть художник, ищущий успеха, а не художественного совершенства? Можно ли, желая совершенства, стать бесчестным демагогом или продажным чиновником?

Если бы в каждом городе или селе славянских стран существовало большее количество дошкольных учреждений, школ, училищ, высших учебных заведений, которые бы свою работу с обучающимися строили на основе русско-славянских традиций, то с гораздо большей уверенностью можно было бы сказать, что славянские народы в недалеком будущем смогли бы пополниться здоровым (и физически, и духовно) поколением. Однако современное образовательное пространство всё более ориентирует нынешнюю молодежь и современную славянскую культуру повернуться к западной цивилизации с ее приоритетом материального благополучия человека, с автономной самодостаточностью. При этом *нарушается целостность человека славянской культуры*. На восстановление и сохранение ее и направлено духовно-ориентированное воспитание. А его результативность во многом определяется опорой на культурно-исторические народные традиции.

Література:

1. Ильин И.А. Путь духовного обновления // И.А. Ильин Собр. соч. в десяти томах. Т. 1. М., 1993.
2. Савостина А. А. Принципы человеколюбия в славянской культуре // Сохранить Прошлое в Настоящем во имя Будущего. Сб. статей. Серия «Славянский мир». Вып. 5. Ростов-н/Д, 2006.